

В центре событий романа — дочери древнерусского воеводы Домагостя. Кроме принадлежности к наидревнейшему роду и редкой красоты девушки обладают необыкновенным даром и несут на себе благословение богов, поэтому самой судьбой им назначено оставить яркий след в истории своего народа. Старшей, Яромиле, волховской Леле, суждено встретиться с князем Оддом Халейгом. Сможет ли средняя, Дивляна-Огнедева, поступиться любовью к плесковскому княжичу Вольге и подчиниться воле богов ради служения своему племени?

...Никогда она не забудет его и никогда никого не полюбит так же сильно. Пусть хоть двадцать лет пройдет — память о Вольге и любви к нему теперь ее богатство, сокровище, которое она понесет в душе, куда бы ей ни пришлось идти. И без этой любви она никогда не стала бы Огнедовой. Не может быть богиней та, которая не умеет любить. Участь богов — это вечное стремление, погоня за своим предназначением, и всякий раз миг их наибольшего торжества и силы является переломом и началом пути вниз, в черную Бездну. На этом стоит Лад Всемирья. И если боги избрали ее, она должна делить с ними и их горести.

Елизавета Дворецкая

Елизавета Дворецкая

ОГНЕДЕВА

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

ОГНЕДЕВА

ISBN серии

ISBN 978-617-12-5600-2

9 786171 256002

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5393-3

9 786171 253933

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

Елизавета Дворецкая

ОГНЕДЕВА

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
2018 Досуґа

УДК 821.161.1
Д24

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Дизайн обложки *агентства «ТИМ+»*

ISBN 978-617-12-5600-2 (серия)
ISBN 978-617-12-5393-3

- © Дворецкая Е., 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Предисловие

Перед вами книга, посвященная жизни славянских племен от Волхова до Днепра в конце IX века. Старая Ладога, ныне поселок Волховского района Ленинградской области, была и остается совершенно особенным местом. В те времена, когда большинства знаменитых летописных городов еще не возникло, она уже существовала, более того — оказывала немалое влияние на международную торговлю и даже политику. Все знают, что именно здесь обосновался князь Рюрик, явившийся на Русь где-то во второй половине IX века. Но как выглядела та Ладога, которую он застал? К тому времени ей исполнилось уже сто, а то и сто пятьдесят лет, и ее существование отнюдь нельзя было назвать безоблачным. С середины VIII века — именно тогда выходцы из Скандинавии основали здесь первое поселение — примерно каждые 30—50 лет Ладога переживала коренной переворот, вернее даже будет сказать, катастрофу. В огне пожаров сгорали дома, население погибало или уходило, уступая место другому. Славяне сменяли варягов, варяги — славян. Приход Рюрика с его дружиной стал пятым переломом в жизни Ладоги. Так какой же она была к тому знаменательному дню, когда будущий основатель Русского государства сошел на зеленый берег под ярко-синим ладожским небом? Что за люди в ней жили?

Прежде всего русскими или русами они себя тогда еще не называли. Совсем наоборот — слово «русь» для них обозначало безжалостных врагов, тех самых воинов из морских дружин шведского побережья, которые нередко являлись сюда, чтобы грабить, ввозить в плен и даже пытаться захватить власть над

землями волховских словен. Ладожане жили на самом краю Варяжского моря, в постоянной опасности, но именно через Ладогу восточное серебро поступало на Север, и здесь соединялись торговые пути со всех сторон света. У них не было князей с дружинами, и в случае заморского набега дружиной становились они сами — кузнецы, рыбаки, охотники и торговцы.

Ладожский воевода Домагость не зря гордился своими дочерьми — умницами, красавицами, от бабки унаследовавшими мудрость древних волхов. Старшая, Яромила, носит в себе благословение богов, но и ей хочется жить и любить, как всякой обычной девушке. И вот однажды он приходит к ней — Князь Высокого Пламени, так похожий на одного из богов, но подаривший ей настоящую страстную любовь. И кем бы он ни стал для далеких потомков, для нее он — единственный на свете мужчина, которого она готова ждать вопреки всему. Ее сестра Дивляна — бойкая и задорная, может быть, немного легкомысленная, даже не знает поначалу о том, какие чудесные силы в ней дремлют, и упорно отказывается от выпавшей ей высокой чести ради того, чтобы просто быть с тем, кого она любит. Одной из дочерей Домагостя суждена удивительная доля — ей предстоит стать женой князя далекой земли и проложить племенам дорогу в будущее, о котором раньше никто и думать не мог. А у них ведь есть и третья сестра, Велеська, — она еще мала, и как знать, что из нее вырастет?

То, чему летописец потом уделит несколько скупых строк, записывая предания и легенды полуторавековой (для него) давности, на самом деле было целой эпохой — эпохой перелома, навсегда изменившей жизнь целых народов. Судьбы племен и судьбы отдельных людей причудливо переплетаются, и только по прошествии веков станет ясен истинный смысл всего происходящего. А пока люди, знатные и простые, хотят лишь счастья для себя, мира для своей земли, благополучия потомкам. Что двигало героями легенд, что посылало их в судьбоносные походы? Попробуем увидеть в них обычных живых людей — они ведь не знают, что будущее припасло для них местечко в школьных учебниках, а кому-то даже памятник в бронзе... И Рюрик, и Олег, и Аскольд так же далеки от мыслей об этом, как каждый из нас. Стоит обычный весенний день, ослепительно белые облака от-

ражаются в синей воде Волхова, несущего лодьи¹ торговых гостей. Все еще только начинается...

Это эпоха, о которой даже Нестор-летописец со товарищи толком ничего не знал, но с тех пор наука значительно расширила возможности писателя. При работе над романом использовалось множество материалов из разнообразных источников — археологических исследований, малоизвестных скандинавских саг и легенд, народной культуры славян и их многочисленных соседей. Это глубина, лежащая под первыми, самыми ранними страницами русских летописей. Вы увидите страну, которой не знал даже Нестор.

¹ Лодьи (ладьи) — здесь и далее используется устаревшее написание.
(Примеч. ред.)

Глава 1

Ладога, 890 год

С вершины Дивинца поднимался столб дыма, хорошо видный в ясный весенний день. Это означало, что по Волхову идут от моря варяжские корабли — первые в это лето. Приближался к концу месяц березень, и Домагость, ладожский старейшина и хозяин самого крупного в нынешней Ладоге гостиного двора, так рано их не ждал — думал, как всегда: справим Навью Седмицу, отгуляем Красную Горку, а там и за летние хлопоты примемся. Но приплыли так приплыли.

С мыса над устьем Ладожки было хорошо видно широкий Волхов внизу и лодьи на нем. Первым весенним гостем оказался старый знакомый — Вестмар Лис. Домагость сразу узнал его, увидев на носу передней снеки рослого, довольно худощавого мужчину лет тридцати пяти, со светлыми волосами, заплетенными в косу, светлой бородкой, в широких розовых штанах, крашенных корнем марены, синей верхнице и лисьей безрукавке мехом наружу. Приятели шутили, что Вестмар носит лисью шкурку, чтобы ловчее вести свои торговые дела. На груди у него красовалась железная гривна с двумя подвесками в виде молоточков, которые называются «торсхаммер» и которые так любят уроженцы Земли Свеев. В этот раз с Вестмаром пришло аж три корабля — то ли разбогател за прошедший год, то ли нашел новых товарищей. Наметанным глазом Домагость оценил сложенный груз: тюки, обернутые от морской воды тюленьими шкурами, бочонки — видимо, соль. На тюках, бочонках, просто на днище сидели, плотно прижавшись друг к другу, десятка два женщин — все молодые, одетые в потрепанные рубахи, серые и грязно-черные. Надо думать, пленниц везет на продажу. Значит, со-

брался не до Ладоги и обратно в Варяжское море, а дальше, на Волжский путь. Вестмар Лис был одним из немногих, кто решился изредка отправляться в те края — до болгарской земли. Потому и людей так много вел с собой — меньшим числом слишком опасно. Обычно варяжские торговые гости являлись в Ладогу, обменивали свои товары на местные и в то же лето отправлялись обратно, чтобы успеть с ладожскими мехами и медами попасть в какие-нибудь вики при Варяжском море, где на этот товар была хорошая цена.

Посмотрев, как первый из кораблей входит в устье Ладожки, Домагость спустился с мыса и пошел к берегу — встречать. Вестмара Лиса он знал хорошо — в прежние годы они немало вечеров провели вместе, распивая то пиво, то брагу, обсуждая дела всех на свете стран и народов, о которых Вестмар, посещающий в год два-три вика, знал довольно много.

Когда Вестмар сошел на берег, Домагость уже ждал на мостках, ведущих от воды до гостиного двора, по привычке засунув пальцы за пояс и широко расставив ноги, как истинный хозяин этой земли. Возле него стояли сыновья, ради такого случая бросившие работу: Доброня и Братоня, оба прямо из кузни, в передниках из бычьей кожи, а еще Велем и даже тринадцатилетний Витошка, младший. За спиной толпились пять или шесть челядинов, готовых помочь, если надо, с переноской груза. И позади всех, поодаль, перед дверью дома, собрались Домагостевы женщины — жена, дочери и челядинки. Прибытие первого гостя в году — всегда событие, всегда радость для людей, полгода не видевших новых лиц. Весь свободный от работы народ, привлеченный дымом над Дивинцом и видом идущих кораблей, бежал отовсюду — посмотреть, кто приехал, что привез.

— Хейль ду, Вестмар Халльвардссон! — Домагость приветственно поднял руку. За полтора века совместного проживания ладожане настолько свыклись и сроднились с варягами, что даже малые дети здесь могли связать несколько слов на северном языке, а уж в семействе Домагостя легко объяснялись даже челядины. — Привет тебе! Порадовал ты нас, мы еще и ждать не начали. Хорошо ли добрался?

— Поздорову ли, Домагаст Витонещич? — в ответ по-словенски выговорил Вестмар. Он довольно хорошо знал словенскую речь, хотя некоторые звуки ему не давались. — Рад видеть тебя живым и довольным. Если я первый, то у тебя есть место? У меня в этот раз много людей, а еще рабыни. Я надолго задерживаться не хочу, но если у вас еще холодно по ночам, то нужно найти им место под крышей. Это все молодые женщины, и мне хотелось бы довести их живыми и по возможности здоровыми. Они и так ослаблены, их захватили давно и уже больше месяца возят по морю: сначала в Хейдабьур, потом на Бьёрко.

— А что так — цены не давали? — Домагость окинул взглядом головы пленниц. Люди Вестмара тем временем начали понемногу переносить груз с кораблей на берег, челядины Домагостя покатали бочонки по мосткам к клетки.

— В Хейдабьуре, говорят, с прошлого лета очень низкие цены на рабов, их из Бретланда привозили очень много. Иггвальд конунг не стал продавать их там и привез на Бьёрко, а там боги послали ему меня. Мы сторговались очень выгодно: полмарки за каждую сейчас и еще полмарки — когда продам и вернусь. Я не мог упустить такой удобный случай. Но теперь мне придется везти их на Олкогу¹. Хорошо еще, уговорил Фасти Лысого и Хольма Фрисландского поехать со мной. Иначе у меня не хватило бы людей для такой поездки. А что тут у вас? Как ваши соседи? Твой родич с озера Ильмерь² еще не провозгласил себя конунгом?

— Да кто ж ему даст?

Следом за Вестмаром с корабля спустились два парня, на вид лет шестнадцати-семнадцати, и остановились за спиной варяга — оба в простой некрашеной одежде, один в вязаной шапочке, другой в войлочной. Лица их с едва пробившимся юношеским пушком выражали скрытое недоумение и надменную замкнутость.

¹ Олкога — скандинавское название Волги, возможно, они считали ее и Оку за одно. (Здесь и далее прим. авт., если не указано иное.)

² Поскольку название озера Ильмень происходит от угро-финского «ильмари», что значит «небесное», первоначальная форма славянского названия, вероятно, была Ильмерь.

тость — как у простачков с хутора, впервые оказавшихся среди множества незнакомых людей и боящихся ударить лицом в грязь.

— Да это никак твои сыновья? — с улыбкой заметил Домагость, окинув юнцов любопытным взглядом.

Вестмар оглянулся.

— Нет, это сыновья моей сестры, — слегка скривившись, ответил он. — Младшие. Старший унаследует усадьбу, а этих двоих она хочет пристроить к торговому делу и попросила меня взять их с собой. Их зовут Свейн и Стейн, сыновья Бергфинна. Если не запомнишь, кто какой, не беда.

— Свеньша и Стеньша, стало быть! — Домагость усмехнулся. — Ну, это нам запомнить не мудрено, у меня самого шурь Свеньша, Синибернов сын. Дивляна! — закричал он, обернувшись к дому, и призывно взмахнул рукой.

Возле двери дома стояли две девушки, с любопытством разглядывая гостей. Всякий понял бы, что это родные сестры, погодки или около того, в самой поре, что называется, маков цвет. У обеих были золотисто-рыжие волосы, мягкие, густые и пышные, с задорными и милыми кудряшками на висках и надо лбом. Старшая, Яромила, повыше ростом, могла считаться настоящей красавицей, так что дух захватывало при взгляде на ее белое лицо с правильными чертами, красивый нос с легкой горбинкой, тонкие черные брови с маленьким надломом, оттеняющие голубые глаза. При этом сразу было видно, что она умна, обладает ровным нравом и умеет со всеми ладить. На весенних девичьих праздниках она уже лет пять была единодушно избираема Лелей, а на Ярилиных днях водила девичьи «круги» и запевала песни во славу весенних богов. В нарядно вышитой светлой рубашке из беленого льна, с пышным венком на золотисто-рыжих волосах, она выглядела истинной Солнцедевой. Вестмар однажды обмолвился, что на болгарских торгах смело просил бы за такую красавицу столько серебра, сколько она сама весит, и непременно получил бы. Милорада, мать девушек, скривила губы, подумав, не обидеться ли на такую «похвалу», но Домагость только хмыкнул: привыкнув оценивать людей, особенно женщин, как возможный товар, Вестмар Лис дал Яромиле наивысшую цену.

На зов отца подошла ее младшая сестра. Однако и при виде нее Вестмар невольно приосанился и даже провел пальцами по усам.

— О, Диви... лин! — Вестмар попытался правильно выговорить ее имя, но получилось не очень, и он продолжил на родном языке: — С каждой весной она становится все красивее. Удивительно, что еще никто ее от вас не увез, — но я очень рад этому.

Девушка поклонилась, пряча улыбку. К этой весне Дивляне исполнилось шестнадцать лет, и, по мнению ладожан и заезжих гостей, она мало чем уступала старшей сестре. Со светло-рыжими волосами и белым лицом, на котором, однако, по весне появлялось немного веснушек, с яркими серыми глазами, черными бровями и ресницами, небольшим прямым носом, подвижная, веселая, она всегда будто искрилась радостью и жизнелюбием, и мать в детстве называла ее «искорка моя». Даже то, что Дивляна была невелика ростом, делало ее облик еще более драгоценным, словно золотой перстень, который хоть и мал, но дорого стоит. Сообразительная и бойкая, она не робела многочисленных торговых гостей, среди которых прошла вся ее жизнь, но умела оберегать свое достоинство. И то сказать: среди ладожских дев никого не нашлось бы выше родом, чем дочери Домагостя. Прадедом их, ни много ни мало, был ильмерский князь Гостивит, а дед Витонег стал первым ладожским старейшиной после изгнания руси¹, и он же вел словенские дружины, сбросившие в Невозеро Люта Кровавого и его людей.

— Возьми этих двоих, отведи в дом, — велел Домагость, показывая ей на племянников Вестмара. — Это сестричи его.

— И пусть они не устраиваются на лавках с таким видом, будто уже умирают, а готовят места для всех моих людей, — напутствовал их Вестмар. — Да уж, случись мне их продавать, я бы много не выручил... — пробурчал он себе под нос.

Дивляна засмеялась, бросив лукавый взгляд на двух юных гостей, имевших растерянный и довольно глупый вид. Они много слышали об этом вике — Альдейгье, который на морях называ-

¹ Русь — морские дружины из Средней Швеции, промышленявшие разбоем; варяги — мирные торговцы скандинавского происхождения.

ли Воротами Серебра. Однако вид его их разочаровал — ничто здесь не говорило о легендарных богатствах, уже более ста лет протекающих этим путем с Севера на Восток и обратно. Вик Альдейгья был обычным поселком, причем маленьким. От подножия мыса, где они находились, в поле зрения попадало не более десятка строений, из них большим был только гостиный двор, а остальные — обычные срубные жилища, беспорядочно разбросанные на возвышенной части берега среди проток и обрывистых склонов, которые сами по себе служили поселению неплохой защитой. Здесь же впадала в Волхов небольшая темная речка, заросшая болотной травой и кустами. Углубленные в землю избы казались еще меньше, чем были на самом деле. Между ними, на заросших пустырях, кое-где виднелись черные полосы свежевскопанных огородов, паслись козы, веревками привязанные к колышкам. Лежали у воды рыбацьи челны, сушились сети, на кустах у малой речки сохли выстиранные рубахи и порты.

— Этот вик такой маленький? — с разочарованием спросил у девушки парень в вязаной шапочке. — А мы слышали, что это один из крупнейших вигов на Восточном пути.

— Это еще не все, — ответила девушка. — Здесь только мы да Братомеровичи, да Синиберновичи и Вологор с семейством, все наше сродье, а там дальше тоже люди живут. — Она показала вдоль берега Волхова. — На несколько верст еще... ну, на целый «роздых», по-вашему. Здесь много людей. Правда, не так много, как при свеях, когда тут сидел ярл Лют Кровавый и дань собирал. Зато теперь мы сами себе хозяева и дани никому не платим.

— Зато теперь нет дороги по Восточному пути, — пробурчал парень в войлочной шапочке. — Раньше, при свеях, серебро текло рекой, а теперь... Дядя говорил, что люди, которые живут вдоль Восточного пути, враждуют между собой и все норовят собрать как можно больше с проезжающих торговцев, а то еще и ограбить! Только наш дядя Вестмар может ездить здесь, потому что у него хватает ума договориться со всеми и достаточно сил, чтобы защитить свой товар.

— У нас не ограбят! — заверила Дивляна. — До порогов целыми доедете, а там уж мы не в ответе, там с Вышеслава

словенского спрашивайте, если что... Вы что же, думали, серебро легко добывается?

Гостиный двор стоял довольно близко от берега, в окружении клетей для товаров, кузницы, бани и прочего в этом роде. Пройдя через пристройку-сени, племянники Вестмара Лиса оказались в доме, напомнимшем родной Свеаланд — здесь были ряды столбов, подпиравших кровлю, но стены из бревен. Земляной пол покрывали широкие деревянные плахи, а вместо открытого очага, привычного для северян, в середине располагалась печь из камней и глины, окруженная небольшими деревянными переборками.

— А это зачем? — то ли Стейн, то ли Свейн кивнул на печь и переборки.

— Онучи сушить, — мягко и почти с состраданием — жаль ведь человека, если он такой дурак! — ответила девушка, глядя на гостя, как на неразумное дитя. — И чулки. А товары складывать — сюда. — Она показала в сени и на гульбища, идущие вокруг всего здания, что делало его более вместительным.

Но долго разговаривать с гостями Дивляне было некогда — мать позвала ее, и она убежала, — только пышная рыжая коса мелькнула. У Домагостевой жены Милорады теперь хватало работы — надо было сразу накормить почти сотню человек, включая пленниц. Спешно послав двух челядинов на Волхов — купить у рыбаков побольше рыбы, — обеих старших дочерей она увела в клеть осматривать припасы. Хлеба весной не было почти совсем, а остатки Милорада берегла для поминаний Навьей Седмицы, зато еще имелась подвядшая репа и сколько угодно кислой капусты.

— Не знаю, скажут свинью резать — будет мясо, — рассуждала она. — Витошка! Беги к отцу, спроси, свинью резать? А ты, Велем, возьми вот репу да носи на берег — Вестмар просил женщин накормить побыстрее, а то, боится, не дотянут. Скажи, если есть совсем слабые, молока ведро дам.

Велем, или Велемысл, если полностью, третий сын Домагостя, тут же взвалил на плечи мешок репы и пошел на берег, куда свеи уже вывели пленниц. В двадцать один год Велем был рослым, силь-

ным, и отец полагался на его помощь и разумение во всех своих делах: и когда зимой ездил по чудинским поселкам, скупая меха, мед и воск для перепродажи варяжским гостям, и когда летом принимал этих гостей в Ладогe. В свободное время Велем помогал старшим братьям в кузнице и вообще не чурался никакой работы. При этом он был очень общительным, разговорчивым, дружелюбным и бойким, порой даже излишне шумным, и уже лет пять избирался вожаком всех ладожских парней — баяльником, как это называлось. Зимой он возглавлял ватагу, которая, по старому обычаю, до весны отправлялась в лес добывать меха, и сам не раз ходил на медведя. Из этих схваток Велем вынес несколько шрамов на плечах и даже на лбу, отчего у него правая бровь была попорчена, но он не смущался и не боялся, что девки любить не будут. Любили его за удаль и веселость, да и лицом он был не так чтобы красавец, но довольно хорош: с правильными чертами, по-мужски грубоватыми. Русые волосы, с таким же рыжеватым отливом, как у сестер, только темнее, расчесанные на прямой пробор, красиво лежали над высоким широким лбом, который указывал на присутствие в его жилах части варяжской крови, на лбу и щеках темнело несколько оспинок, оставшихся от перенесенной в детстве болезни. Короче, третий сын у Домагостя получился хоть куда, и все в Ладогe были уверены, что со временем он займет одно из первых мест среди ладожской старейшины.

— Ты пчела ли, моя пчелынька,
Ты пчела ли моя белая,
По чисту полю полетывала,
Ко сырой земле прикладывалась,

— пел Велем по дороге, и тяжесть мешка ничуть ему не мешала. Ясный весенний день, радость и воодушевление от приезда гостей, нарушившего скуку каждодневного существования, собственная молодая удаль — этого было довольно, чтобы петь.

На берегу уже дымил костер. Двое или трое варягов, оставленные Вестмаром для присмотра за пленницами, развели огонь и повесили над ним большой черный котел с водой. Велем опустил рядом мешок, и один из варягов знаком предложил ближайшим пленницам приняться за чистку, для чего вручил им два

тупых ножа с короткими лезвиями и деревянными черенками. Пленницы покорно принялись за работу. Велем окинул их любопытным взглядом. Все рабыни были молоды — само собой, старух не повезли бы через три моря, поскольку плата за них не оправдывает прокорм в пути, — и одеты в почти одинаковые рубахи тускло-черного и серого цвета. Изможденные лица выражали покорность и смирение. Никто не плакал, не рвался, никого не нужно было связывать. Впрочем, с привезенными издалека пленниками почти всегда так. Они уже смирились со своей участью, а бежать им здесь некуда.

Почти у всех оказались короткие волосы — не длиннее чем до плеч. У некоторых на головах были грязные повязки и покрывала, но по тому, как плотно они прилегали к головам, делалось ясно, что косы под ними не скрываются. «Это что же — вдовы?» — подумал Велем. Вдовы обрезают волосы после смерти мужа и выходят снова замуж не раньше, чем отрастут косы. Но где варяги набрали сразу столько молодых вдов? «Да нет, — сам себя поправил сообразительный Велем, — тут дело в другом». Эти женщины стали вдовами после того, как разбойные морские дружины пришли на их землю, поубивали всех мужчин, а их жен, оставшихся без защиты, полонили.

— Как у вас дела? — весело расспрашивал его один из торговых гостей, невысокий и лысый, — видимо, это и был Фасти. — Еще не выбрали себе конунга?

— Да зачем нам конунг? — Велем улыбнулся. — Мы и сами как-нибудь. Сестру мою позапрошлой осенью замуж выдали в Дубовик — теперь там у нас родня, от нас поклонитесь, вас и приютят.

— А у тебя много сестер осталось?

— В девках три.

— Значит, хватит еще на три города, — посчитал Фасти. — А когда кончатся сестры, как же мы поедем дальше?

— Вот с этим. — Велем показал на меч у пояса варяга. — Говорят, этим ключом все двери отпираются.

Он хотел спросить, откуда привезли этих странных женщин, но мать позвала его, и пришлось спешить на зов.

— Ко сырой земле, к зелено лужку,
Да ко цветику ко лазореву!

— доносилось до костра.

Забот Домагостевым домочадцам хватало: приехавших надо было разместить, перенести товар, устроить под крышей то, что боится дождя, приготовить на всех еду. На костре возле двора челядины Грач и Ворон опаливали свиную тушу — несло горелой щетиной. Пробежала Дивляна с лукошком яиц; увидев Яромилу с ведерком молока, Велем взял у сестры ношу и глазами спросил, куда нести.

Тем временем старшие из гостей спешили заручиться покровительством местных богов, как того требовал обычай всех торговых людей. Шагах в ста от устья Ладожки, там, где она сливалась с речкой под названием Ула-йоки — Заключка по-словенски, — над глубоким омутом располагалась довольно широкая площадка святилища. Здесь, перед большим белым камнем, выступающим из земли, был сложен из камней жертвенник, а по трем сторонам его возвышались деревянные идолы трех богинь: Марены с серпом, Макоши с веретеном и Лады с кольцом. Сюда, богиням-покровительницам Ладоги, все торговые гости приносили жертвы, после того как еще по дороге почтили Велеса в его святилище, что ниже по реке. Зная о прибытии гостей, к белому камню собрались жрицы богинь: три старухи, три женщины и три девушки. Каждая тройка встала перед идолом своей покровительницы: женщины — в середине, старухи и девушки — по бокам. Тут Вестмар, Хольм и Фасти снова увидели знакомые лица: средней в ряду женщин стояла Милорада, а в ряду девушек — Яромила, ее старшая дочь. Еще в прошлом году старух возглавляла бабка Радогнева, мать Милорады, и таким образом женщины из Домагостева рода были представлены среди служительниц всех трех богинь: бабка, мать и внучка.

— О, великие богини — Дева, Мать и... Мать Матерей! — Подойдя во главе своих товарищей, Вестмар почтительно поклонился.

Краем глаза окинув жриц, он отметил, что некоторые из них с прошлого его приезда сменились: не было старухи Радогневы,

и две девушки по обе стороны от Яромила тоже оказались новые. Одна из старух и одна из девушек — чужинки родом, судя по лицам и уборам, изобилующим костяными подвесками. Все понятно: старые жрицы Марены умирают, юные жрицы Лели выходят замуж и передают свои обязанности другим. Только Яромила все еще здесь: Домагость так ценит свою старшую дочь, на которой, как тут верят, лежит особое благословение, что никак не подберет достойного ее жениха.

— Я, Вестмар сын Халльварда, по прозвищу Лис, родом из Свеаланда, снова приехал на вашу землю и привез товары: двадцать шесть молодых пленниц, десять мечей из Рейнланда, сорок бочонков соли, тридцать бочонков вина, — и теперь хочу увезти пленниц на реку Олкогу, а вино, мечи и соль продать здесь, если найду хорошего покупателя. Я прошу вас о покровительстве, чтобы никто не навредил мне на вашей земле и чтобы я смог вести торговлю как можно выгоднее. А вам в благодарность я подношу дары!

Вестмар сделал знак, его люди поднесли ларь. Открыв его, он каждую из девяти жриц оделил подарками: одним досталось по отрезу хорошего сукна, другим — по красивому кувшину из Страны Фризов с узорами из белого олова, остальным — по бусине: кому хрустальная, кому стеклянная, кому сердоликовая, круглая или затейливо ограненная. Бусины эти стоили так дорого, что даже у состоятельной женщины они все были наперечет, и появление новой обсуждалось товарками, как весьма значительное событие. И еще потому ладожские старухи, женщины и девушки лучших исконных родов стремились получить право служить богине, что, кроме почета, это приносило немалую выгоду от таких вот подношений торговых гостей.

В благодарность за дары старшие жрицы поднесли варягам пива в чаше, передавая тем самым благословение своей богини, в омут вылили по кувшину молока, и теперь гости могли со спокойной душой приниматься за дела. А жрицы вернулись к повседневным хлопотам, в том числе Милорада и Яромила, от которых благополучие гостей зависело в самом прямом смысле.

— Вы цветочки ли, мои цветики,
Цветы алые, лазоревые,
Вы голубые, бело-розовые!

— пел Велем, проходя мимо берега. От костра уже несло запахом вареной рыбы. Яромила только что хвасталась ему варяжским подарком: тремя бусинами из медово-желтого сердолика, округлыми, с множеством мелких треугольных граней, такими красивыми, теплыми даже на вид! Дивляна, изнывая от зависти, просила подарить ей хоть одну, упирая на то, что у Яромилы от тяжести ожерелий скоро переломится шея.

— Да вы души ли красны девушки,
Да вы ступайте во зеленый лес гулять,
Да вы поймите белу рыбу да на воде,

— распевал он, смеясь и вспоминая спор сестер.

— Эй! Бьела риба! — весело окликнул его кто-то.

Велем обернулся. Его звал один из варягов, который вместе с Фасти присматривал за пленницами. В руке он держал старую деревянную ложку — потемневшую, обгрызенную, да еще и треснувшую по всей длине — и при этом смотрел на ложку, висевшую на поясе у Велема, — новенькую, из липового дерева, промасленную льняным маслом, приятного золотистого цвета. Тот сам ее вырезал на днях — руки у него с детства росли как надо — и украсил черенок узором-плетенкой. Варяг улыбнулся и жестом показал, что хотел бы эту ложку получить. Видимо, он был здесь в первый раз и сомневался, что его поймут.

Кивнув, Велем спросил по-варяжски:

— Что дашь?

Он думал, что ему предложат какую-нибудь ерунду: пуговицу или гребешок подешевле, да и то только потому, что обед уже готов, а хлебать нечем. Ладожским девушкам он резал ложечки за поцелуи — а что еще она стоит, ложка-то? Но с варягом он целоваться не станет, как ни проси! Подумав об этом, Велем ухмыльнулся. Варяг похлопал себя по поясу и бокам, отыскивая, что бы предложить в обмен, а Фасти вдруг потянул его за рукав и показал куда-то вправо от костра:

— Вот, если хочешь, ее возьми. Насовсем возьми. Выходишь — будет твоя.

В стороне от костра прямо на земле лежала одна из молодых пленниц. Еще две сидели рядом, сжав пальцы, и шептали что-то, не поднимая глаз, а третья, молоденькая, держала ее за руку, свободной ладошкой утирая слезы. Лежащая была неподвижна и вообще не слишком походила на живую. Велем подошел поближе, пригляделся. Вроде бы еще молодая... во всяком случае, тощая, все кости торчат, а лицо под слоем грязи толком и не разглядеть... Он наклонился пониже и уловил тяжелый запах запекшейся крови.

— Она что, ранена? — Велем повернулся к варягам. Никаких ран или повязок на лежащей видно не было.

— Да нет. — Фасти пожал плечами. — Десять дней назад, когда Вестмар их покупал, она выглядела вполне здоровой. У нее, видно, что-то женское. Это не заразно, не бойся. Но мы ее не доведем, она скоро умрет. Забирай: если сумеешь вылечить, то получишь молодую красивую рабыню за стоимость деревянной ложки. Это очень выгодная сделка, можешь мне поверить! — Варяг заулыбался. — В Бьёрко такая обычно стоит марку серебром, а в Серкланде — марок двадцать пять-тридцать! Клянусь Ньёрдом!

Велем еще раз посмотрел на девушку. Исхудалая, грязная, на вид все равно что мертвая, она и правда стояла едва ли больше этой ложки, да, пожалуй, и того меньше, потому что ложкой еще два года можно пользоваться, а пленница, скорее всего, до вечера не доживет. Но если доживет...

Ладога — не Шелковые страны, молодая рабыня здесь стоит два сорока куниц или две коровы. Но Велем не отличался жадностью, ему просто стало жалко девушку. Ведь помрет и никто о ней не пожалеет. Вручив варягу свою ложку, он поднял пленницу на руки. Она, казалось, совсем ничего не весила, и, едва он стронул ее с места, в нос ударил тяжелый запах крови. Ладоням сразу стало мокро и липко. Почти весь подол ее рубахи оказался в крови, но на грязно-черном сукне ее почти не было видно.

Одна из товаров, сидевших рядом, пошевелилась, сказала что-то, сделала движение, будто хотела задержать, и не сразу выпустила безвольную руку подруги. Слезы из ее глаз полились силь-

нее, она закрыла лицо ладонями. Две другие только проводили Велема горестными взглядами.

Когда Дивляна и Яромила, продолжавшие делить бусины, увидели, как к дому подходит братец Велем, неся на руках одну из варяжских пленниц, они от изумления открыли рты. Потом Дивляна метнулась за матерью. Милорада, которую дочери спешно позвали, узнав, в чем дело, совсем не обрадовалась.

— Или у нас забот мало, чтобы умирающих еще подбирать? Ну, зачем ты хворую бабу притащил, когда у нас Никаня? — Она с укором посмотрела на своего единственного сына, не говоря вслух, чтобы не привлечь беды, но подразумевая: очень глупо нести чужую больную женщину в дом, где сидит невестка, которой вот-вот предстоит родить.

— Что парню знать про эти дела? — вступилась за него челядинка Молчана.

— Ну, мне ее подарили. — Велем пожал плечами. — Не в Волхов же теперь бросить!

— И куда ты ее положишь? И так цыпленку присесть в доме негде.

— Ее сперва в баню нужно, — заметила Дивляна, которая, вытянув шею, рассматривала приобретение брата, по-прежнему покоившееся у него на руках. — Она, похоже, с прошлого лета не мылась.

— Ну вот и мой ее, — велела мать. — А мне и без того дел хватает. Потом позовете, я посмотрю.

Велем отнес девушку в баню, а отловленный Дивляной Ви-тошка приволок ей охапку чистой соломы. Растопили печку, нагрели воды. Яромила с Дивляной торопливо обмыли чужеземку, опасаясь, как бы она не умерла у них на руках. Пленница действительно не была ранена, а причиной кровотечения, видимо, стала какая-то женская хвороба. Потом позвали мать.

Пленнице сильно повезло, что она досталась не просто добросердечному парню, а сыну Милорады. Жена Домагостя была первой в Ладогe жрицей Макоши, самой знающей ведуньей. Осмотрев больную, она послала дочерей в клеть за травами и горшками, а сама поманила Велема.

— Она, видно, дите скинула примерно с полсрока или меньше, — сказала Милорада. — Вот и кровит. Оно понятно: возили через три моря, да впроголодь, да всякое такое...

— Выживет?

— Как Макошь даст, как Суденицы напрядут. Она хоть и мелкая собой, а не совсем девчонка, Ярушки нашей, пожалуй, ровесница.

На лавке Милорада разложила льняные мешки с сушеными травами, останавливающими кровь: змеиный корень, мышинный горошек, дубовая кора... Очиток хорош, когда уже много крови потеряно, синий зверобой помогает раны заживлять и силы восстанавливать... А вот спорыш — гусиная травка — самое оно, для того и нужно, если кровь идет изнутри и не уймется никак. От женских хвороб хорошо помогает. И Милорада принялась готовить настой. А пока трава настаивалась, подняла руки над телом лежащей девушки и негромко запела:

— Калиновым мостом
Шли три сестрицы,
Мары дочерицы:
Малина, Калина, Шипина.
Не умели они
Ни шити, ни прясти,
А только умели
Сечи-рубити,
Реки выпускати:
Одна река водяная,
Другая река огненная,
Третья река кровяная.
Водяною огонь заливати,
Кровяною кровь унимати!¹

Когда женщина рождает, она открывает ворота в Бездну — ту, откуда приходит все живое и куда уходит все мертвое. На это время она сама становится Мареной — той, что переводит через огненную реку. Потому находиться рядом с роженицей опасно,

¹ Славянский заговорник (извод волхва Велеслава), также и далее почти все обрядовые и заговорные стихи.

и помогающие ей должны обладать особыми знаниями. А здесь все было еще хуже: Бездна открылась до срока, когда новая жизнь еще не могла войти в мир живых, а значит, через ворота должна была пройти смерть. По мере того как вытекала кровь, в Бездну утекала жизнь. И чтобы это прекратилось, нужно было просить о помощи Темную Мать.

Милорада лучше всех в Ладогe понимала такие вещи. Свою силу она унаследовала от предков по матери — знаменитого рода Любошичей, «старшего рода», как его называли, когда-то давно первым из людей словенского языка пришедшего на эту землю и получившего особое благословение ее богов. По преданиям, начало роду положил некий муж по имени Любош, и он же поставил над Волховом городок, названный Любошин. И было это очень давно — гораздо раньше, чем Словен со своим родом пришел на Ильмерь-озеро и основал Словенск, из которого род словен расселился по берегам Небесного озера Ильмерь. А Любошичи были другого корня — говорили даже, будто пришли они с далекой полуденной реки Дунай. Со словеничами они не всегда ладили, но тем не менее именно Любошичи оставались в низовьях Волхова старшим родом, имеющим первые права на эту землю, все ее уголья и благословение богов. Род был многочисленный и богатый. В иные времена в городке над Любшиным омутом жили больше сотни человек. Любошичи ковали железо, лили бронзу и серебро, изготавливали редкостной красоты уборы и торговали с окрестной чюдью. Даже варяги, полтора века назад поселившиеся на другом берегу Волхова, в устье речки Альдожки, уважали их и старались поддерживать мирные отношения.

Пока не пришел свейский конунг Ерик. И раньше случалось, что кроме мирных поселенцев и торговцев являлись на Волхов боевые корабли грабителей, но по большей части любошичам, живущим за высокой, в семь «больших локтей»¹, земляной стеной на каменной основе, удавалось отбиться. Но Ерик конунг пришел, чтобы полностью подчинить себе эту землю. Огромное

¹ Три—четыре метра. «Большой локоть» — 53 см.

войско осаждало Любшу, пока не захватило ее. Все мужчины и многие женщины погибли, детей и подростков увезли вниз по Волхову и где-то на Волжском пути продали в чужие земли. Оставшихся сделали челядинами, чьей долей было служить новым хозяевам. Варяги отстроили полуразрушенный городок, и в нем поселился воевода Лют. На самом деле его звали Лют Ярл сын Кольгрима, но ладожане быстро прозвали его Лютом — ибо лют был и немилостив. Обложив податями все население, словенское и чудское, до которого только могли дотянуться, варяги не довольствовались этим: если подати задерживались, они разоряли селения, а всех пленных продавали на Волжский путь.

И сгинул бы род Любошичей без следа, если бы не волхва Вedomира. Сама она тоже была из Любошичей, но вышла замуж и давно жила на дальней окраине Ладоги. Служительница Марены, она не имела детей, но знала, что Волхов-батюшка не простит людям исчезновения старшего рода. К тому времени от Любошичей осталась в живых только одна девочка десяти лет от роду — Радуша. Но никого из своей челяди Лют-воевода словенам не отдал бы. И тогда Вedomира придумала хитрость. Через рыбаков она передала для девочки настой особого зелья, и, выпив его, Радуша заболела: у нее начался жар, она лежала без памяти и бредила. Потом в Любшу явилась и сама Вedomа. На недуг какой-то девчонки никто из хозяев не обратил бы внимания — и помрет, невелика потеря, — но волхва сказала, что болезнь заразная и опасная, весь городок может вымереть. Тогда ей велели забрать девчонку и даже приплатили слегка. Вedomа сама вынесла ничего не осознающую, пышущую жаром девочку к реке, где ее ждали в лодке верные люди.

Выходить Радушу удалось с трудом — пять лет прожившая впроголодь, та оказалась слишком слаба. Но все же она выжила, окрепла и выросла. Лет через пять Вedomа выдала ее замуж, снова вернув в Ладогу, — теперь уже не в Любшу, а на другой берег, где в устье Ладожки жили словены. И боги отплатили ладожанам, спасшим от гибели старший род своей земли. Еще через пятнадцать лет от варягов удалось избавиться; Любошин, где они засели, был уничтожен, и словены вернули себе власть над

этой землей. До самой смерти бывшая Радушка, а позже — знаменитая Радогнева Любшанка, считалась мудрейшей женщиной, чародейкой и травницей, получившей от Ведомы по наследству древние знания старшего рода. Свою старшую дочь Милораду она выдала за Домагостя, сына Витонег и внука последнего словенского князя Гостивита. Бабка Радогнева умерла в прошлом году, прожив довольно долгую жизнь, но до того успела всему обучить своих трех дочерей.

Возможно, обо всем этом вспоминал Велем, когда нес на руках умирающую чужеземную рабыню. Руками волхвы Ведомы боги когда-то спасли их материнский род, так, может, и ему дан случай угодить богам, избавив от гибели эту чужачку?

Заговором и настоем кровь удалось остановить, но поить ее зельями нужно было по три раза в день. Велем сам взялся выхаживать несчастную пленницу и, усевшись рядом, стал выстругивать из чурбачка новую ложку. В первые дни он даже спать ложился рядом с ней на овчине, несколько раз за ночь поднимался и смотрел, как она, давал воды, кормил с ложки жидкой кашей. Когда его звали помогать по хозяйству, Велема сменяла какая-нибудь из сестер или челядинок. Яромила и Дивляна жалели девушку: не старше их, она столько перенесла, и если бы не Велем, то уже была бы мертва! А ведь жалко! Когда с нее смыли грязь и она немного ожила, стало видно, какая она красивая. Стройная, с правильными чертами, большими карими глазами, тонкими, изящно изогнутыми черными бровями, она, пожалуй, на рынке в Шелковой стране потянула бы и на две тысячи серебряных шелягов, как говорил Фасти Лысый. Вымытые волосы чужеземки оказались темно-рыжими и густыми, красиво вьющимися. Уже к вечеру она пришла в себя, но ничего не говорила, не отвечала, если к ней обращались, и в глазах ее читалось недоумение. Она явно не понимала, где находится, что с ней случилось, кто и почему о ней теперь заботится.

Глава 2

Через несколько дней подошла Навья Седмица — срок, когда души предков на целых семь дней прилетают к потомкам, когда их чествуют и угощают, прося благословения и помощи на весь наступивший год. В первый день для них топят бани, оставляют там горячую воду, душистые веники с травами, а через маленькие окошки спускают наружу беленые полотенца, вышитые особыми навьими знаками, — дорожки, по которым души сюда войдут. Сами хозяева в это время в баню не ходят и стараются даже к ней не приближаться. А второй день — Родоница, время посещать родовые жальники. И как ни хотелось Вестмару Лису поскорее уехать со своим нежным живым товаром на Волжский путь, где далеко на юге его ждали блестящие груды козарского серебра, в эти дни никто не мог ему помочь — ладожане чествовали предков.

Когда Яромила с Дивляной подошли к реке, Велем с Витошкой уже сидели в лодке. Причем Витошка не шутя устроился на весле, хотя грести через Волхов ему явно было пока не по силам. В свои тринадцать он еще не начал по-настоящему расти: оставался маленьким, щупленьким, доставая Дивляне только до плеча. Он родился прежде срока, и Домагость в душе беспокоился, что младший сын никогда не догонит старших. То ли дело Велем — рослый, плечистый, он в одиночку вскидывал на плечо бочонки и мешки, которые иным приходилось носить вдвоем.

Лодка ждала под невысоким обрывчиком, где за полосой песка шириной в пару шагов лежало несколько крупных валунов, серовато-розовых, гладко обточенных речной волной, и имелась проголина в осоке. Рядом с ней стояла в воде другая,

в которой устроилось семейство вую Свеньши, брата Милорады: он сам с женой и детьми — Кологой, Туроберном, Добраном, Льдисой и Ведомкой.

— Что-то долго собираетесь! — Туроберн замахал руками. — Ранятины уплыли уже! Дотемна вас ждать, что ли?

Солнце садилось, бросая на широкую реку яркую пламенную дорожку. Но вечер в самом конце месяца березенья был светел, до темноты оставалось еще далеко.

— Ничего, успеем! — Дивляна улыбнулась двоюродному брату.

— Веляну не видали? — окликнул их сам вуй Свеньша.

— Матушка за ней пошла, все вместе явятся.

Спустившись к воде, девушки встали на крайний валун и с помощью старшего брата перебрались в лодку. Сложили корзины с приношениями: блинами, вареными яйцами, кашей и пирожками, на которые пошли драгоценные последние остатки прошлогоднего зерна.

— Что матушка-то не идет? — спросил Велем, помогая Дивляне сесть. — Вуй Ранята со своими уплыл уже.

— А вон и Аскол! — Льдиса из своей лодки показала вдоль по Волхову, где приближались в лодке Ивор и Аскол — сыновья вуйки Велерады.

На Родоницу, вторник недели Вешних Дедов, все потомки бабки Радуши собирались на родовое угорье — жальник возле заброшенной ныне Любши, лежащей в паре верст вниз по Волхову, на другом берегу. Дожидаясь родичей, вуй Свеньша, второй сын Радогневы, рассказывал о судьбе бабки своей внучке Ведоме. Ей, получившей имя в честь давно умершей спасительницы рода, зимой исполнилось семь лет и вскоре предстояло идти в Велешу — Велесово святилище, отвечать на вопросы жриц, чтобы получить свой первый родовой поясок. Остальные, хоть прекрасно обо всем этом знали, тоже слушали, глядя на клонящееся к краю небес багровое солнце, и огненная дорожка на воде вызывала в душе образы пламени над Любшей... над Ладогой... над Словенском... Та война, избавившая словен от власти варягов, была долгой и кровопролитной. Не только Любша, но и сама Ладога сгорела дотла. И теперь

еще на пустырях между новыми дворами видны следы старых пожарищ, и в особые ночи можно услышать плач непогребенных, ненайденных, неуспокоенных...

— И с древних пор так ведется, что деву из Любошичей сам Волхов-батюшка на служение себе избирает, — рассказывал вуй Свеньша, крепкий толковый мужик, умелый резчик по кости, всегда озабоченный делами многочисленной родни. — На ней благословение земли лежит, потому ее называют Девой Альдогой. Она Волхову служит, как прабабка Ведома служила, и бабка Радушa, и Милорада, ее дочь старшая. А если уж очень худое время, если разгневется на людей Волхов-батюшка и три дня подряд назад будет течь — значит, хочет, чтобы Дева Альдога к нему пришла. Сейчас это вон Ярушка, — он кивнул на Яромилу и улыбнулся им с Дивляной, — а как замуж выйдет, к другой сестре перейдет. Да ты-то не бойся, — он ласково погладил светловолосую головку с маленькой косичкой, еще без ленты, с простой тесемочкой, — это служение через дочерей передается, значит, из тех девушек будут выбирать, которые от Милорады, Велерады или Гневорады родились.

На родовой жальник надлежало попасть на закате, когда солнце уходит в Кошное. Ивор и Аскол подвели лодку к тем же камням; по тропе спускались наконец-то появившиеся Милорада с младшей дочерью, одиннадцатилетней Велеськой, ее сестра Велерада со своими дочерьми: тринадцатилетней Оловой и маленькой Синяшкой. От Синиберна, мужа бабки Радогневьы, в род впервые попали имена варягов, за несколько поколений изменившиеся и приспособившиеся к словенскому языку, а вуйка Велерада сама вышла замуж за свейя, поэтому четверо ее детей тоже получили варяжские имена. И хотя в имени Синяшки — Синеладь сейчас уже никто не признал бы старинное северное имя Сигнехильд, его по старой памяти считали варяжским. В Ладогe, за полтора века сжившейся с варягами, таких имен было много. Здороваясь с парнем по имени Сокол, никто уже не думал о том, что его деда тут звали Сокольга, а прапрадеда, первым из рода обосновавшегося на Волхове, — Скъяльг. Сёльви превратился в Ольву, Хедин — в Един-

ца, и все же имена предков возрождались в поколениях снова и снова, приобретая удивительное своеобразие в этом месте на грани миров.

Наконец все расселись, мужчины и взрослые парни взялись за весла, и вереницы лодок тронулись через реку. Небо оставалось светлым, но заходящее солнце бросало на воду пламенные отблески, и оттого казалось, что лодки идут не по волнам, а по огню.

— Уж ты ель моя, ель высокая,
Как стоишь ты, вечно зеленая,
От имени Велесова нареченная,
Ронишь хвою свою на Мать Землю Сырую,
Хранишь воду Мертвую да воду Живую,

— запела Милорада, когда лодки вышли ближе к середине реки. И женщины подхватили вслед за ней:

— Как летят по весне из Ирия Светлого
Птички певчие, сладкогласые,
Летят души предков наших
На птичьих крылах на быстрых...

Река — всегда граница миров, граница живого и мертвого, своего и чужого. Дивляна пела вместе со всеми, чувствуя, как мурашки бегут по спине — словно сами призываемые предки уже касаются кожи своими невидимыми крыльями. Из года в год, с тех пор как ей исполнилось семь, она совершала этот путь, и каждый раз ее наполняло чувство, будто они не просто пересекают широкий Волхов, а уезжают из мира живых в то загадочное место на меже, которое можно посещать и живым, и мертвым. Так оно и есть: жальник принадлежит и той стороне, и этой. И все же с каждым гребком, делаемым могучими руками Велема, с каждым словом песни, которую она пела вслед за матерью, душой все сильнее овладевал священный трепет, чувство близости к иному миру.

— Соберемся мы на Горку на Красную,
Справим по вам, Деда, страву честную,
Запалим мы для вас крады огненные,
Вознесем мы вам, Деда, требы обильные!

Разноголосое пение неслоь снизу и сверху по течению, словно пела сама река. Этим вечером по всему Волхову наблюдалось оживление: везде виднелись лодки, идущие в основном к Велеше, где располагались многочисленные родовые угорья ладожских обитателей. В лодках сидели мужчины, одетые в особоему вышитые «поминальные» рубахи, женщины — в «печальных» поневах, темно-синих и без узоров, носимых год после смерти кого-то в семье и потом надеваемых в Дедовы дни. Женщины придерживали корзины и горшки с подношениями, в иных лодках лежали связанные черные барашки. Барашка в жертву вез и вуй Свеньша — в этом году была его очередь.

Высокий мыс возле устья Любши зеленым длинным горбом заметно вдавался в синюю гладь широкой реки. Выбираясь на берег по ту сторону Волхова, все притихли и оглядывались немного боязливо; дети, даже подростки, жались поближе к родителям. Велеська держалась за руку матери, Витошка — за руку Велема. Витошка, кстати, мог бы и не ходить: его предков на Любанском жальнике не было, но он нарочно увязался за родными, желая еще раз поглядеть на памятное место.

Городок располагался на мысу у впадения в Волхов речки Любши. Со стороны берега протянулся высокий вал из глины, возведенный на основе каменной кладки. Поверх вала раньше шли деревянные срубы — городни с заборолом, но они сгорели, когда дед Витонег во главе словенских дружин выбивал оттуда остатки воинства Люта Кровавого. Сгорели и все внутренние постройки, площадка заросла кустами. Столько горьких воспоминаний было с этим связано, что даже после изгнания руси наследники рода Любошичей не решились снова обосноваться в родовом городище — слишком много мертвых там осталось.

Обойдя гиблое место, потомки бабки Радуши попали наконец на само угорье. Здесь Любошичи в течение нескольких веков хоронили своих умерших. На вершине большого кургана уже виднелись люди: старший из материнных братьев, Рановид, со своими сыновьями Раноберном и Синиберном, их женами и маленькими детьми. Мужчины расстелили принесенные овчины, женщины разложили угощение: кашу в широких горшках, вылепленных

своими руками, пироги, блины в глиняных мисках, крашенные яйца, пиво в корчагах. Девушки и девочки показывали друг другу яйца, окрашенные и разрисованные к этому дню, соревнуясь, у кого вышло красивее. Самые нарядные яйца получались у Яромилы, самой старшей из Радушиных внучек: покрасив яйца в желтый березовым листом, она разведенной охрой расписала их разными затейливыми узорами, нарисовала даже двух небесных олених.

Милорада, как старшая женщина в роду, встала на вершине кургана и подняла руки. Все затихли, выстроившись позади нее. И она протяжно закричала:

— Святы-честны Деда!
Щуры да Пращуры рода!
Кличем-зовем вас —
Ходите до нас!

Все родичи хором подхватывали за ней оклички, и над курганами разносилось:

— Ворота Ирийские распахните,
На потомков своих поглядите,
Силу свою даруйте,
С нами, честны, пребудьте!

И все замерли, вслушиваясь в свист ветра над берегом и пытаясь разобрать в нем шорох невидимых крыльев.

Дивляна слушала вместе со всеми, но даже сейчас не могла отвлечься от своих мыслей. Родоница — только один день Навьей Седмицы, второй по счету. А когда придет седьмой, последний день — Красная Горка, тогда пойдет веселье. В этот день впервые в году женихи присматривают невест, с которыми будут вместе справлять обряды в честь Лады и Ярилы, и если не на Купалу, то осенью, после Дожинок, уведут избранницу в свою семью. А Дивляне, второй дочери Домагостя и Милорады, этой осенью будет самый раз идти замуж. Породниться со старейшиной Домагостем, потомком словенских князей, желающих хватало, но Домагость пока выдал замуж только старшую дочь, Доброчесту, рожденную от чудинки Кевы, за парня из городка Дубовик, лежащего выше по Волхову. Для дочерей от Милорады он

пока не нашел подходящей пары — прямые наследницы крови старшего рода воплощали власть над этой землей и ценились дороже прочих невест. Даже Яромила, которой было целых восемнадцать лет, все еще ходила с девичьей косой. Но Дивляна, мечтавшая о замужестве лет с восьми, уже не первый год с трепетом встречала каждую весну — а вдруг теперь ее судьба решится?

Она-то знала, чего ждет от судьбы и чего ей хочется. И эти мечты были ей так дороги, что она даже не решалась заговаривать о них ни с матерью, ни тем более с отцом, опасаясь услышать, что все это глупости и никак не может быть. Но почему же глупости? Чем она и... *он* не пара? Если только за осень и зиму *он* не нашел себе жену там, в Плескове... Она, правнучка последнего словенского князя, второй женой быть не может, только старшей... Сердце замирало при мысли, что *он* мог не дождаться ее, и Дивляна беспокойно теребила кончик косы. Вскоре все выяснится. Если *он* приедет сюда на Купалу, значит... Но до Купалы еще так долго ждать! Весь травень-месяц и почти весь кресень. Казалось бы, за зиму ей следовало поуспокоиться, но чем ближе была весна, тем сильнее возрастало ее нетерпение. От тоски и жажды, чтобы Купала пришла поскорее, щемило сердце и было трудно дышать. Дивляна уже устала от своего ожидания, тем более тяжкого, что ни с кем, даже с сестрой, она не решалась об этом поговорить. Яромила не поймет: она слишком разумна и всегда все делает правильно. Вот разве что Велем... Он добрый. Он над ней не смеется, хотя и не верит, что из этого что-нибудь выйдет. А вдруг он прав? Ведь Велем — умный парень. Наверное, и правда ничего не выйдет, она все придумала, дурочка! И от этой мысли стало так больно в груди, что даже слезы выступили.

На подвижном лице Дивляны ясно отражались ее чувства и мысли, далекие от поклонения дедам, но, к счастью, родичи были заняты другим. Принеся жертвы, они уселись на расстеленные кошмы и овчины, чтобы разделить угощение с умершими предками. В землю на кургане закапывали крашенные яйца, первую ложку каши и первый блин клали в траву, лили пиво, медо-

Літературно-художнє видання

Серія «Кохання крізь століття»

ДВОРЕЦЬКА Єлизавета

Огнедіва

(російською мовою)

Роман

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *В. О. Трубчанінов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 10.08.2018. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturnaya». Ум. друк. арк. 21,84.
Наклад 6000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Любовь сквозь века»

ДВОРЕЦКАЯ Елизавета
Огнедева

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 10.08.2018. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 6000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

У центрі подій роману — дочки давньоруського воєводи Домагостя. Окрім приналежності до найдавнішого роду та рідкісної краси дівчата володіють надзвичайним даром і несуть на собі благословення богів, тому самою долею їм призначено залишити яскравий відбиток в історії свого народу. Старший, Яромилі, судилося покохати князя далекої землі й прокласти шлях у майбутнє. Чи зможе середня, Дивляна-Огнедіва, поступитися коханням до молодого княжича та підкоритися волі богів заради служіння власному племені?

Дворецкая Е.

Д24 Огнедева / Елизавета Дворецкая. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 416 с. — (Серия «Любовь сквозь века», ISBN 978-617-12-5600-2)

ISBN 978-617-12-5393-3

В центре событий романа — дочери древнерусского воєводи Домагостя. Кроме принадлежности к наидревнейшему роду и редкой красоты девушки обладают необыкновенным даром и несут на себе благословение богов, поэтому самой судьбой им назначено оставить яркий след в истории своего народа. Старшей, Яромиле, волховской Леле, суждено встретиться с князем Оддом Халейгом. Сможет ли средняя, Дивляна-Огнедева, поступиться любовью к плесковскому княжичу Вольге и подчиниться воле богов ради служения своему племені?